

Дух жизнелюбия

Ираклий Андроников глазами дочери

Сергей Шаповал

Исполнилось 95 лет со дня рождения Ираклия Андроникова – блестящего рассказчика и не менее блестящего литературоведа. Впрочем, Андроников был неподражаем и когда говорил о музыке. И о живописи. И об архитектуре... Это был человек, талантливый во всем. Поэтому и незабываемый. Сегодня воспоминаниями об отце делится Екатерина Андроникова.

Екатерина Ираклиевна, давайте начнем с первых ваших воспоминаний об отце.

– Они у меня связаны с ранним утром, когда отец обычно собирался по делам. Он начинал день рано, а заканчивал поздно. Был всегда аккуратен и подтянут, это было свойство его характера. От отца исходила искренняя приветливость, благожелательность и теплота, и мне всегда хотелось быть где-то поблизости от него, слушать его рассказы. Рядом с ним было очень уютно. Он занимался творческой работой, поэтому много работал дома. Одно из самых приятных ощущений – читать или рисовать, сидя где-нибудь в уголке, когда он печатал на машинке.

Он не занимался никогда нравоучением, и само понятие «воспитывать» как-то не очень вписывается с тем, как он общался со мной и моей старшей сестрой Мананой. У нас с ней была довольно большая разница в возрасте, но ему, наверное, было интересно с нами, и мы это чувствовали. И нам было интересно – поэтому проблемы снимались сами собой. Его влияние было как будто незаметным, а на самом деле – огромным: в доме слушали музыку, потому что он ее всегда слушал, а потом уже без музыки мы не представляли

Ираклий Андроников с дочерью Катей.

Фото из архива Екатерины Андрониковой

Наталья Кончаловская, Ираклий Андроников, Рубен Симонов и Георгий Мдивани на втором съезде писателей СССР, 1954 г.

Фото Якова Халипа

свою жизнь. Наш литературный вкус формировался в зависимости от того, что нам читал отец. Одно из самых ярких воспоминаний, когда по вечерам на дачной веранде – мне было тогда лет десять – он читал мне Гоголя. Это было потрясением – так сочно, так ярко он чувствовал образный мир Гоголя, его удивительный язык. У меня перед глазами просто вставали гоголевские персонажи, по телу бежали мурашки то от восторга, то от ужаса, когда отец читал рассказ «Вий». Я очень хорошо помню эти ощущения и очень дорожу ими.

– Насколько Андроников на эстраде отличался от Андроникова в жизни?

– Он мог быть очень серьезным, сосредоточенным, а через мгновение уже заразительно смеяться. Наверное, его особенность заключалась в том, что он на сцене был так же свободен, как и в жизни, и оставался са-

мым собой. В любом его рассказе трудно было увидеть грань, за которой заканчивался он сам и начиналось его перевоплощение в того, о ком он рассказывал. В этом он был органичен, это была форма его существования. Он блестяще знал литературу, помнил наизусть невероятное количество стихов, но не любил прятаться за цитаты. Поэтому его рассказы носят не-

ким из них у него были близкие отношения?

– Он учился у Бориса Михайловича Эйхенбаума, со временем взаимоотношения ученика и учителя переросли в дружеские отношения. То же самое можно сказать и о его общении с Юрием Николаевичем Тыняновым. А Виктор Борисович Шкловский! Телефонные разговоры с ним были необыкновенно ин-

парадоксальный диалог они ведут. Потом папа рассказывал, как Виктор Борисович ему говорил, что он открывает телефонную книгу, а там из живых уже почти никого не осталось. Шкловские часто бывали у нас, мы – у них. Виктор Борисович был очень своеобразной личностью, наделенной неповторимым чувством юмора. Помню, как-то они вдвоем поехали в Ленинград, по возвращении отец рассказал, как, устроившись в купе, они легли спать; проснувшись утром, Шкловский воскликнул: «Боже мой, я вчера забыл принять снотворное! Жена мне этого не простит!» Отец рассказывал про него массу смешных историй, но это всегда было очень точно, похоже, колоритно, и я могу об этом говорить, поскольку знала Шкловского.

– А кто-нибудь обижался на вашего отца за то, как он его показывает? Ведь многие бы-

ли персонажами в его публичных выступлениях.

– В этих показах не было, с моей точки зрения, ничего обидного, они были основаны на точных наблюдениях. Во всяком случае, его рассказы никак не отразились на отношениях со Шкловским и со многими другими. У отца был замечательный рассказ о Самуиле Яковлевиче Маршаке и Алексее Николаевиче Толстом. После того как Самуил Яковлевич его услышал, он сказал: «У тебя очень хорошо получается Алексей Толстой, а я совсем не похож». И тем не менее дружили они с Маршаком в течение всей жизни. Может быть, кто-то и обижался, но я не знаю.

ведение. Музыка в нашем доме была всегда.

– О чем был ваш отец ни рассказывал, он просто излучал дух жизнелюбия. Это было его мироощущением?

На сцене он был так же свободен, как и в жизни

– Да, и люди это чувствовали. У нас часто бывали гости. Наверное, у кого-то складывалось представление о нашем благополучии. А ведь отец нигде постоянно не служил, он зарабатывал статьями, выступлениями, кни-

неожиданно пришли гости, а в доме не было даже чая, и мама просила на время деньги у няни. И это был не единственный случай. Но, когда появлялись какие-то заработки, папа устраивал се-

бе маленький заглазник, за счет которого пополнял свою коллекцию пластинок.

– А отказ от службы был для него принципиальным?

– Конечно. Ему предлагали войти в секретариат Союза писате-

того, в общем образовании там происходит неизбежный перекос, поскольку специальность стоит на первом месте. Когда, отработав пять лет в Большом театре, я решила отсюда уйти, в чем папа меня решительно поддерживал, для меня пробыли в среднем образовании стали очевидны. Если бы я жила нормальной жизнью, я, безусловно, гораздо большему могла бы научиться у папы. А так мне нужно было заново вписываться в реальность. Я начала учиться на факультете журналистики. Было очень трудно. Мне долго приходилось привыкать даже к смене режима: вместо того чтобы встать к станку, я должна была сидеть и внимательно слушать не очень понятные мне в ту пору лекции.

Он был удивительно эмоциональным рассказчиком.

Фото Григория Цитриняка

Выразительный жест – отличительная черта Андроникова.

Фото из архива Екатерины Андрониковой

– Судя по всему, у Ираклия Луарсавича было особое отношение к музыке.

– У него был абсолютный музыкальный слух, музыку он воспринимал профессионально. Он говорил, что в свое время мечтал стать дирижером. Когда он жил в Ленинграде, значительная часть его жизни проходила в зале Ленинградской филармонии. Музыка была его страстью. С конца 50-х годов мы жили на Мясницкой, в нашем доме был магазин грампластинок: отец там пропадал. У него в коллекцию было по пять-шесть разных исполнений одного и того же произведения. Отец очень хорошо напевал и удивительно умел свистеть: он мог просвистеть даже самое сложное произ-

ведение. Музыка в нашем доме была всегда. Жизнь была не такая простая, как могло показаться со стороны. Трехчасовой концерт в зале имени Чайковского в те времена стоил 69 рублей. К статьям он относился очень серьезно и скрупулезно, публикаций просто для заработка не делал.

У нас в доме больше тридцати лет жила няня, которая постоянно повторяла, что мы ей все надоели и что она уходит, но при этом обожала всех, и особенно Батю – так она называла отца, – а сама была едва ли не главным членом семьи. Но в отличие от папы у нее была зарплата, которую ей родители исправно платили. Как-то к нам

лей, но он старался быть от этого как можно дальше, погружаясь полностью в лермонтоведение. Но, когда Николай Алексеевич Заболоцкий вернулся из ссылки (родители в ту пору жили в одной комнате на Арбате), он пробыл у них больше месяца, ожидая разрешения на проживание в Москве. Это было не так просто в те годы, но Заболоцкий отец очень высоко цтил и всегда вспоминал о нем с восхищением. А потом, что подразумевать под службой? Ему надо было писать статьи, записываться на радио, позже сниматься на телевидении, выступать с концертами, а сидеть в учреждении на зарплате он не мог, тогда бы он не мог заниматься всем тем, чем занимался.

– Вам наверняка приходилось преодолевать инерцию отношения к вам как дочери знаменитого отца. Это было болезненно для вас?

– Впервые с этим явлением я столкнулась, когда поступила в балетную школу Большого театра. Отвела туда меня мама, никаких предварительных договоренностей, что меня кто-то посмотрит из балетных педагогов, не было. Я с детства любила танцевать, и, чтобы у меня в будущем не возникло разочарования в нереализованных возможностях, мама повела меня в хореографическое училище: если мне откажут, это сделают профессионалы. А меня приняли. В первый же день одна девочка сказала мне, что я оказалась здесь по блату. Я спросила, что это такое. Та, как смогла, объяснила. Меня это просто потрясло. Ведь у меня было очень мало опыта общения со сверстниками, в детский сад я почти не ходила, поэтому была диковатой. Когда на первом туре педагоги проверяли мои данные, я кусалась. Но мне очень хотелось доказать, что я что-то могу сама.

Учиться там было нелегко, дело не только в физических нагрузках, а в том, что в специализированных школах психологические проблемы (конкуренция, карьеризм), которые наступают людям в гораздо более взрослом возрасте, обрушиваются на детское сознание очень рано. Кроме

Когда я окончила университет, папа был уже серьезно болен. Я стремилась ему помочь, печатала его тексты на машинке, но период непосредственной учебы у него, к великому сожалению, оказался слишком коротким. Но тем не менее я у него очень многому научилась.

– Почему он не оставил никаких мемуаров?

– Часть воспоминаний о людях вошла в его рассказы. Но, конечно, он не сделал многого из того, что мог бы и должен был сделать. С начала 80-х годов он практически лишился возможности работать. Последние десять лет его жизни прошли вне работы, а он ею жил, она была смыслом его жизни. Это было очень тяжело, ведь его сознание было абсолютно ясным до самого конца.

– Он не впал в отчаяние?

– Он был слишком сильным человеком, чтобы это показывать. Он стремился создать ощущение, что в доме все, как и прежде. Хотя, к сожалению, это было не так. Но когда к ночи все расходилось по своим комнатам, было слышно, как он бродит по коридору. Можно только догадываться, что он испытывал в тот момент.

– В начале 90-х годов наша жизнь совершила мощный рывок, многое оказалось переоцененным: появились новые авторитеты и кумиры, многое из прошлой жизни оказалось забытым. У вас нет обиды, что забвение коснулось и персоны вашего отца?

– О нем стали забывать уже в 80-е годы, когда началась его болезнь. Что делать – так устроена наша жизнь. О человеке быстро забывают, хотя еще вчера, казалось, он был незаменим. Люди все время устремлены вперед, им кажется, что главное именно там. То, что сделал мой отец, мне представляется абсолютно уникальным. Скажем, жанра рассказа, который он создал на нашем телевидении, до него не было. По моему, потихоньку сознание этого приходит. Я верю, что талантливые явления не исчезают, они на время могут отойти в тень. Но жизнь все расставит на свои места. ■